

Ниже возможностей

Уже первые афиши, когда спектакль только зарождался, вызвали споры: правильно ли поступил Красной театр, включив в репертуар «Оптимистическую трагедию»? Имеются ли в труппе исполнители на все роли? Удастся или не удастся спектакль?

Премьера состоялась. Состоялась встреча зрителей с героями замечательной пьесы В. Вишневского, которая вот уже более 20 лет не сходит со сцены театров, выдержала испытание временем. Не просто поскрестить историю, не просто показать яркий эпизод революционной борьбы народа стремился автор. Свою задачу драматург видел в том, чтобы «дать радостную оптимистическую трагедию нового человека: не из-под палки, а в любви, в борьбе...».

Коллектив театра правильно понял стремление автора к показу не внешней стороны борьбы, не к буфферской стрельбе, крикам, пулеметным лентам, флягам, а к выявлению внутренних, очень сложных процессов становления и развития характеров своих героев, к образному обобщению реальных исторических событий.

Спектакль показывает, в какой сложной и упорной борьбе создавала Коммунистическая партия Красную Армию, как на смену анархии, разладам, некоторым полкам, приходила сознательная революционная дисциплина.

И это столкновение двух сил, двух идей ощущается уже в самых первых сценах.

...Матросский экипаж, истомленный боедействием, жадно стремился пойти, но еще не нашел ответа на вопросы: «Где правда?», «С кем идти?».

«Пяч было восемьдесят пять тысяч Балтийских и сорок тысяч черноморских матросов. Мы искали ответа», — говорит в зал Вадимий. И эти тысячи моряков, которые «ищут ответов», мы как бы видим за сценой «Балтийского флота матроса первой статьи» Алексея.

Алексей — его играет В. Суров — страстно хочет познать всю глубинную прелесть событий, ищет активных действий, но еще не знает, к чему приложить свою энергию, чему посвятить себя. В. Суров умело развивает образ от сцены к сцене, показывает, как Алексей под влиянием

Комиссара начинает понимать логику событий, их направленность. По мере накопления большой духовной силы Алексей постепенно освобождается от подавленности Вожак-анархистов. И вот уже он противопоставит ему, одерживает победу.

Актером найдено верное решение образа. Оно выражается в постепенной переоценке Алексеем действующих сил, в постепенном заполнении его души большой всепоглощающей идеей. Но этот глубокий внутренний процесс показан В. Суровым не всегда убедительно. Ему мешает порой неоправданная порывистость, слишком «внешнее» проявление характера. Ибо также, что артист в тех сценах, где в центре внимания стоит не его герой, иногда как бы выключается из действия.

Новая работа Г. Беляева, создавшего образ Вожак-анархистов, пожалуй, — наибольшая актерская удача в спектакле. Точными, скупыми мазками рисует артист характер сильного и опасного врага. Путем демагогии и умелой игры на самых низменных инстинктах Вожак сумел поднестись до большой власти над людьми своего отряда. Стремление к полной личной свободе, неприменному повелеванию другими, странная озлобленность, моральная опущенность главаря анархистов — все это по пьесе должно быть передано очень непомогательно. Вожак участвует почти в каждой сцене, но действует он, как правило, через других, властвует молча.

Г. Беляев справился с этими трудностями роли, в полной мере выявил жестокую сущность своего героя, его неверие в человека, в народ, в общее дело. Но артист не сумел разоблачить Вожак, он действует так, что верится — такой человек мог определенное время держаться в своих руках воля многих, мог заставить матросов не только удерживать жестокий самосуд, расстреливать пленных, идти на подлость. Беляев подводит Вожак к пределу властолюбия, заставляя преступить этот предел.

И тогда обнажается мнимость обаяния силы Вожак, он лишается ореола величия, созданного им же вокруг своей личности. Люди понимают античеловеческую сущность его программы и потому горячо одобряют произнесенный Комиссаром при-

говор полевого суда — «к высшей мере наказания». Ставится вопросом, почему еще вчера, переживший в Вожак Алексей приводит приговор в исполнение.

Бези в Вожаке все гнусное, античеловеческое спрятано глубоко внутри, таится под личиной «борца за освобождение народа», то все это как бы вылилось наружу в образе Сиплого.

Артист А. Кокоркин, нам кажется, трагует роль Сиплого идеально. Он выделяет лишь его приспосабличество, халуйство. И в то же время несколько комедийная манера исполнения явно приглушает у А. Кокоркина главную черту Сиплого — его человеконенавистничество.

Порывистые нотания по сцене, к которым часто обращается артист, чрезмерно подчеркивание и походкой, и голосом клинических черт болезни Сиплого — все это уводит артиста в сторону от раскрытия страшной темы Сиплого и даже вызывает у зрителей добродушный смех вместо отвращения, вместо ненависти к подлому врагу.

Волею или неволею пойдя по пути натуралистического поверхностного определения образа, А. Кокоркин лишил его социальной заостренности.

Вишневский говорил о своих героях: «Люди, которые на грани двух эпох сталкиваются, из которых каждый обладает неповторимо сложным характером, проявляется в острой борьбе за осуществление своих идеалов».

Разнузданной, человеконенавистнической идее анархизма Комиссар противопоставила веру в человека, моральной опущенности — непоколебимую убежденность в победе дела революции, народа.

Роль Комиссара — одна из сложнейших в советской драматургии. Здесь нет ничего от привычного штампа партийного руководителя. Он не произносит привычных речей, не говорит «зажигательных речей», наконец, Комиссар даже не опытный, закаленный в боях, умудренный опытом большевик-подпольщик, а молодая, не чуждая романтики женщина. Каким большим мастерством надо обладать артистке, чтобы

заставить зрителей поверить в силу своего Комиссара. Ведь действовать ему приходится в исключительно трудной обстановке, работать с людьми зараженного анархизмом полка, бороться с сильными врагами, которые еще пользуются поддержкой значительной части матросского экипажа.

Оттого, как исполнена затравная роль, насколько зависит успех всякого спектакля. В «Оптимистической трагедии» от этого зависит почти все. Артистка Ю. Галиной роль Комиссара не удалась. Особенно важным было найти единственно верный тон, манеру уже с первого момента появления Комиссара на сцене. Но их не найдено. Думается, что режиссером спектакля К. Милеико и артисткой не в полную меру отражены на сцене чрезвычайно важные авторские ремарки.

...Алексей только что возвестил экипажу, что к ним назначен комиссар. Матросы по-разному восприняли это известие. Большинство из них сразу же готовятся встретить комиссара в штыки. И вот «к напряженно молчаливой толпе мужчин, — сказано в пьесе, — откуда-то выходит женщина. Ее полновесно кажется страшным, невозможным, парусающим давние понятия. Кажется, что от первых же вопросов, заданных грубыми голосами, с этой женщиной произойдет что-то непоправимое».

Конечно же, Комиссар не мог не почувствовать прижидности и не мог сразу, как это получилось в исполнении Ю. Галиной, показать себя хозяйном положением, обрести командирский тон. Великая сила духа не может быть выражена просто хозяйским поведением, командирским тоном. А иных средств Галина не находит. Правда, когда направленный Вожаком толпа матросов направляется на Комиссара, и она, принявшая участие в большую войну своей героини, не мен, ее решимость зацятить себя и свое звание комиссара.

В последующих сценах артистка опять сбивается на повелевающий командирский тон, а постановщик всюду выдвигает героиню на первый план, невольно подчеркивая: вот она, командир, вот она, центральная фигура. Нужно ли это?

Главное в Комиссаре — несокрушимая вера в дело революции, железная воля, высокая ответственность перед партией, давшей ей, молодой женщине, чрезвычайно

важное задание. Это не выражено артисткой на сцене.

Зрители видят, что под влиянием Комиссара намеряется Алексей, что вокруг Комиссара сплываются матросы, что, поняв силу Комиссара, изменяет свою тактику Вожак. Но зрители не видят главного — той силы Комиссара, под воздействием которой все это происходит, не видят путей, которыми идет Комиссар. И в этом — основная неудача спектакля.

Второй серьезный недостаток — неудачное исполнение очень весомых ролей ведущих. Артисты Б. Вахрушев и Д. Паротьяков не сумели добиться того, чтобы их старинные полка органически вошли в спектакль, а не оставались бы лишь костюмированными чтецами от автора. Нужно не декламационное, а осмысленное исполнение этих своеобразных, но очень сильных и сложных ролей.

Выражением большого оптимистического замысла пьесы способствует удачная постановка большевистских массовых сцен. Режиссер и исполнители сумели так подчеркнуть отдельные характеры и массовых сценах, что они уже не производят, как это часто случалось в других спектаклях, впечатления фона, на котором выделяются главные действующие лица. В «Оптимистической трагедии» актерскому коллективу удалось показать активную роль не только отдельных, но и всех участников происходящих событий.

Прекрасно, например, проведена сцена матросского бала, приход полка и поход. Здесь на сцене живут все, видны думы и настроения многих. Такая сцена не может не волновать.

Спорным кажется исполнение С. Хлещиных интересно задуманной роли Командира корабля. Постановка перед собой сложную задачу во всех проявлениях удержать своего героя в рамках аристократической офицерской выдержки, талантливый артист, нам кажется, еще не нашел путей показать сквозь эту оболочку сложный духовный мир Командира, его искания, раздумья, глубокие человеческие переживания. Найти эти пути необходимо. Ведь бывший белый офицер-дворянин действует на стороне революционных войск, несмотря на то, что он склонен ставить им в вину расстрел своей семьи. На сцене же скорее со слез Комиссара, нежели по поведению самого

Командира корабля можно понять, что он расторгнул, бравирует, барахтается, но служить революции будет, не продаст себя господам иностранцам.

В основном удачно проводится роль главаря большевистской анархистов артист Л. Двоеглазов. Появляясь по главе оголтелой, дикарьски украшенной оравы, этот мастер «делать парфоломзавские почки», как бы подчеркивает всю уродливую и опустошительность анархизма. В игре артиста чувствуется продуманный, злой гротеск, умение подчеркнуть сущность своего героя.

Запомнились зрителю, пусть маленькие, но тонко исполненные роли пленных офицеров (артисты Ф. Валеев и А. Кондаков).

Чувство досады вызывает зачастую непродуманное оформление. Насколько просто и хорошо решил художник Г. Иванов сцену прощального бала, настолько же ему не удалось корабельные декорации и оформление некоторых других сцен. Простота, которой требует от художника постановка «Оптимистической трагедии», не имеет ничего общего с упрощенчеством, а тем более с аляповатостью в оформлении.

Музыкальному сопровождению в этом спектакле представляются особенно большие требования. К сожалению, сейчас оно мало способствует раскрытию замысла пьесы, а подчас даже не соответствует происходящему на сцене.

Достоинства режиссерской постановки, определенные актерские удачи говорят о возможностях театра, о том, что спектакль может удасться.

Но недостатки, к тому же слишком значительные, говорят, что работа еще не закончена, что, хотя премьера уже состоялась, мы видим на сцене еще не законченную картину. Пусть отдельные детали, сцены, роли получаются яркими, блестящими — работа в целом не закончена.

Красному театру надо было смелее подойти к этой сложнейшей постановке, не слишком ограничиваться количеством репетиций. Думается, не польза делу пошло бы и дублирование основных ролей. Творческое соревнование артистов помогло бы найти наиболее полное сценическое воплощение образов, обогатило бы новыми красками игру актеров.

Замечательная пьеса должна породить и полнокровный спектакль.

Б. ЕВЛАНОВ.

АЛТАЙСКИЙ ПРАВДА

ВАРНАУА

В ДЕК 1938